

Научная статья
УДК 903.9
doi: 10.17223/15617793/516/11

О лабретках и их роли как маркеров этнокультурных соотношений в неолите Тихоокеанского Севера и соседних территорий*

Виталий Егорович Медведев¹

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, Medvedev@archaeology.nsc.ru

Аннотация. На основе накопленных вещественных источников, в том числе авторских, а также литературных, с применением археологического и историко-этнографического анализов показаны связи неолитического населения севера Тихого океана и соседних областей. Подчеркивается роль лабретов как маркеров в этих процессах. Выявлены общие и отличные элементы лабретных украшений в различных регионах. Обосновывается предложенная версия о побудительных мотивах происхождения освещаемых украшений.

Ключевые слова: лабретки периода неолита, Камчатка, Нижнее Приамурье, Алеутские острова, памятники древности

Источник финансирования: работа выполнена в рамках проекта НИР «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до Средневековья» (№ FWZG-2025-0002).

Для цитирования: Медведев В.Е. О лабретках и их роли как маркеров этнокультурных соотношений в неолите Тихоокеанского Севера и соседних территорий // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 92–99. doi: 10.17223/15617793/516/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/11

Labrets and their role as markers of ethnocultural relations in the Neolithic of the Pacific North and adjacent territories

Vitaliy Ye. Medvedev¹

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, medvedev@archaeology.nsc.ru

Abstract. The issue of labrets is significant for addressing questions of ancient ethnic history in the North Pacific region and adjacent areas. Since antiquity, labrets were made from soft, light-colored stone, as well as from bone and antler. They came in various shapes and were typically worn in pairs, inserted through perforations in the corners of the mouth and on the lips. The material evidence and literary sources accumulated to date on this subject, analyzed through archaeological and historical-ethnographical methods, allow for insights into the historical connections between the ancient populations of the North Pacific and inhabitants of other regions. The author focuses primarily on the earliest archaeological labrets from the Neolithic period of the Russian Far East, having been directly involved in the discovery of some of them. The main objective of the article is to identify these Neolithic-period artifacts (including the earliest ones) from a number of regions, which were obtained by archaeologists primarily through excavations and have absolute dates. There is information that at the beginning of the current century, approximately 100 ethnographic and archaeological specimens of labret-type items were held in research and educational centers and museums in Russia, the USA, and Japan. However, this number is underestimated by several dozen, due to unaccounted-for items from the Lower Amur Region and Kamchatka. For a long time, the most numerous collections of labrets in the Pacific region were considered to be materials from the Aleutian Islands, as well as from sites of Eskimo cultures on the adjacent northeastern coast of Alaska. Research conducted on the Aleutian Islands in the 1960s–1970s is considered fruitful. It was based mainly on fossil materials from the most important sites of Chaluka and Anangula. Labrets dating back approximately 4,000 years were discovered in the Neolithic layer of Chaluka. A plausible motivating factor for the origin of these specific ornaments—labrets—can be considered the desire of ancient North Pacific people to resemble, in some way, the powerful, tusked walrus that inspired both fear and admiration. This is supported by historical-ethnographical observations. Nowadays, two main areas in Northeast Asia are known where significant series

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

of early Stone Age labrets with absolute dates have been found: the predominant group of artifacts from Kamchatka and almost all ornaments from the Lower Amur Region. They are mostly dated to the 3rd millennium BC and the first half of the 2nd millennium BC. For the Kamchatkan labrets (Ushki I), there are dates exceeding 10,000 years ago. The labrets that appeared in this region subsequently spread across a vast territory, playing a role as distinctive markers of ethnocultural relationships, influences, and borrowings.

Keywords: labrets, Neolithic, Kamchatka, Lower Amur region, Aleutian Islands, ancient records

Financial support: The research was carried out within the framework of the research project "General and Specific Features in the Development Trajectories of Ancient Cultures of the East and Southeast of Eurasia from the Stone Age to the Middle Ages" (No. FWZG-2025-0002).

For citation: Medvedev, V.Ye. (2025) Labrets and their role as markers of ethnocultural relations in the Neolithic of the Pacific North and adjacent territories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 92–99. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/11

В археологии Тихоокеанского Севера, включая российский Дальний Восток с его Нижнеамурским ареалом, среди разнообразных реалий неолита имеются заслуживающие достойного внимания украшения специфического назначения, главным образом лица, – лабретки. Этим артефактам в исследованиях Приамурья да и в целом Дальнего Востока, особенно его южной части, в последние десятилетия отводится несправедливо скромное место. Если их наличие у носителей нескольких неолитических культур Нижнего Приамурья сейчас не вызывает сомнений, то такие аспекты, как время и обстоятельства появления и распространения лабреток в регионе, пока не получили сколько-нибудь развернутых дефиниций. Практически во многом подобное можно говорить и о других территориях, где в древности имелись рассматриваемые изделия. Между тем «проблема лабреток» является, несомненно, важной при решении вопросов древней этнической истории, прежде всего огромного Северо-Тихоокеанского региона. Согласно источникам, лабретки изготавливали преимущественно из мягкого светлого камня, а также кости, рога, иногда из древесины; они крепились обычно парно через проделанные отверстия в углах рта и на губах, особые разновидности изделий – в носовой перегородке.

Основные районы распространения лабреток этнографической современности – Меланезия и Полинезия, зона расселения индейцев Северной и Южной Америк, западных эскимосов и алеутов, были названы в специальной работе первого американского исследователя культуры алеутов В. Долла еще в XIX в. [1. Р. 73–110]. Есть сведения о лабретках коренных обитателей Австралии [2. С. 49]. О ношении лабреток аборигенами Бразилии пишет Э. Тэйлор [3. С. 131].

Первая информация об этих необычных украшениях у коренного населения севера Дальнего Востока связана с сообщениями ранних русских землепроходцев XVII в. В частности, С. Дежнев, находясь на Чукотском полуострове, повстречался с «зубатыми чукчами» [4. С. 940–942], а точнее с эскимосами, у которых из нижней губы наружу выступали костяные лабретки. Позже при освоении Алеутских островов об алеутах с лицами, снабженными лабретками, приходили сведения от русских мореходов и миссионеров: Врангель [5. С. 54–81], Вениаминов [6. С. 86, 112–113], Берг [7. С. 118–122] и др.

Интерес представляет опубликованная в середине прошлого века сводная статья о лабретках японских исследователей С. Кодама и Т. Оба [8. С. 271–293], которые справедливо отмечают: долгое время считалось, что обычай ношения лабреток были Аляска, Алеутские и Курильские острова. Эскимосы и алеуты этих территорий употребляли их до последнего времени. У чукчей, проживавших на Камчатке, лабретки изготавливались из моржовых костей [8. С. 288–289]. Их носили как мужчины, так и женщины. Изготавливались также крупные экземпляры, которые прикреплялись к декоративным маскам танцевавших детей или к идолам во время религиозных церемоний и обрядов. Иногда такие лабретки надевали во время ритуала погребения на лица умерших [8. С. 272]. Обычай носить лабретки у алеутов вышел из употребления прежде всего у мужчин, а у женщин продолжал сохраняться, в отдельных местах вплоть до первых десятилетий XX в. Исследователи придерживались точки зрения о непричастности лабреток к материальным остаткам каменного века [8. С. 284, 286–289].

Накопленные к настоящему времени вещественные и литературные источники по освещаемой проблеме, а также их анализ (археологический и историко-этнографический) позволяют в той или иной мере судить об исторических связях древнего населения севера Тихого океана с обитателями других ареалов. В данном случае автор этих строк сосредотачивает основное внимание на археологических лабретках периода неолита российского Дальнего Востока, к открытию части из них имеет непосредственное отношение.

Основные задачи автора: выявить данные реалии, добытые археологами прежде всего при раскопках и имеющих абсолютные даты, в ряде областей неолитического времени (включая самые ранние), дать им сжатые определения, показать пути и круг распространения, а также возможные побудительные мотивы возникновения этих специфических украшений (рис. 1).

Есть сведения, что на начало нынешнего века в научно-образовательных центрах, музеях России, США, Японии хранилось около 100 этнографических и археологических образцов лабретных изделий. Украшения с Алеутских остров представлены наиболее широко [9. С. 72]. Названное количество лабреток, несомненно, занижено на несколько десятков за счет неучтенных экземпляров по разным причинам, в основном они из районов Нижнего Приамурья и Камчатки.

Важен также следующий нюанс: если практически все лабретные украшения с территории России происходят из конкретных неолитических слоев и объектов (жилища, культовые святилища) и обеспечены радиоуглеродными датами, тогда как материалы, находящиеся в США и Японии, согласно опубликованным данным, обнаружены в ходе археологических раскопок, при осуществлении подъемных сборов или найдены случайно. Последнее обстоятельство затрудняет определение культурно-хронологического контекста интересующих нас украшений.

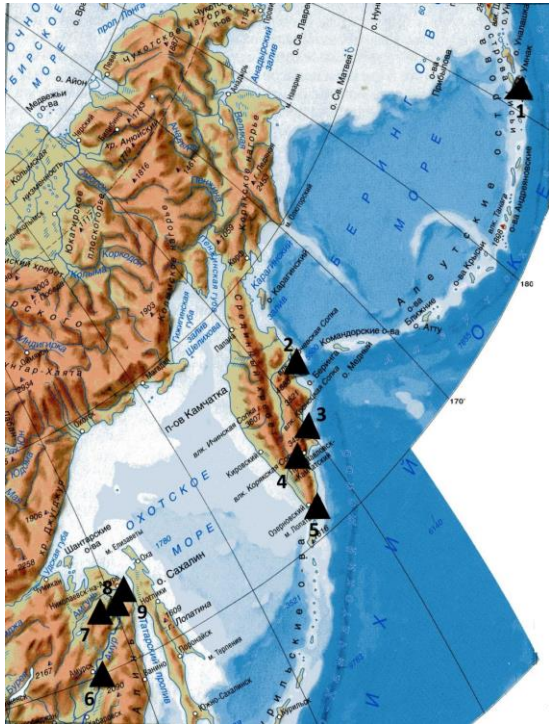

Рис. 1. Карта основных пунктов нахождения лабреток в неолите Тихоокеанского Севера: 1 – Алеутские острова (Чалука); 2–5 – Камчатка (Ушки I, Авача, Жупаново, Большой Камень, мыс Лопатка); 6–9 – нижний Амур (устье р. Гур, Сучу, Кольчём 2; 3); Воскресенское

В этой связи любопытен факт трактовки керамических изделий, найденных ранее на памятниках среднего и позднего дзёмона Японии, ошибочно названных орнаментированными «лабретками грибовидной формы». Эти сведения нашли отражение также в отечественной печати [9. С. 76]. Однако еще в 1988 г. при специальном исследовании было определено, что эти предметы являлись амулетами и использовались в церемониях, а нанесенные на них орнаменты соотносятся с детородными органами [10. С. 78, 81]. Продолжительное время наиболее многочисленной коллекцией лабреток в Тихоокеанском регионе считались материалы с Алеутских островов, а также с объектов эскимосских культур северо-восточного соседнего побережья Аляски (прежде всего берега залива Кука). Объясняется это прежде всего тем, что на этих островах и их окрестностях раньше начались исследования и обратились к такому археолого-этнографическому источнику, как экзотические по своей сути лабретки. Большое внимание уделял лабретным украшениям в первой трети XX в. русский ученый В.И. Иохельсон. В 1909–

1910 гг. исследователь вел раскопки на Алеутских островах [11], после которых в научном сообществе утвердился термин «лабретки».

Наиболее плодотворными для понимания происхождения и ранней истории алеутов считаются исследования, проводившиеся на Алеутских островах в 1960–1970-х гг. Они базировались главным образом на ископаемых материалах наиболее важных стоянок Чалука и Анангула [12. С. 12].

Значительный интерес представляют результаты раскопок многослойной стоянки Чалука на о. Умнак. В нижнем неолитическом слое памятника были обнаружены шляпообразные и в виде пуговиц для манжет, а также прямоугольно-удлиненные лабретки (рис. 2, 19–21). К наиболее ранним по результатам радиоуглеродного анализа отнесены украшения возрастом около 4 тыс. л.н. [13. Р. 59–82]. Отдельные исследователи еще сравнительно недавно считали эти лабретки наиболее ранними в северной части Тихоокеанского ареала [9. С. 75].

Другой областью севера Тихого океана, где с глубокой древности были распространены лабретные украшения, является Камчатка. Их открытие в ряде памятников с начала 1960-х гг. связано с экспедицией, которой длительное время успешно руководил Н.Н. Диков. Одной из первых лабреток, найденных им в ходе раскопок на севере Чукотки, является нагубное украшение, выполненное из моржового клыка, относящееся ориентировочно к 900 г. н.э. Оно довольно короткое, овально-уплощенной формы [14. С. 187; табл. 166, 12]. Однако основную и наиболее важную часть лабреток экспедиция исследователя открыла на Камчатке. Так, на стоянке Авача были выявлены каменные неолитические лабретки возрастом 3450 ± 100 л.н. (МАГ-310), а на участке III мыса Лопатка – возрастом 4380 ± 70 л.н. (МАГ-312) (рис. 2, 12–15).

К древнейшим в настоящее время относятся округло-уплощенные лабретки, выявленные Н.Н. Диковым в слое VI стоянки Ушки I. Их возраст: 10760 ± 110 л.н. (МАГ-219) и 10360 ± 350 л.н. (Мо-345) [14. С. 244; 15. Рис. 21, 7]. В контексте с этим открытием исследователь высказал принципиально важное предположение о том, что обладавшая лабретками этническая общность имеет отношение к древнейшим эскалеутам [15].

Серию лабреток и лабретных шпилек из абсидиана и кремнистого сланца, относящихся к II – I тыс. до н.э., на стоянках Жупаново и Большой Камень (Восточная Камчатка) обнаружил А.К. Пономаренко [16. С. 72, табл. 17, 12, 14, 18; с. 88, табл. 19, 14] (рис. 2, 10, 11). Детальному анализу камчатские, прежде всего неолитические, лабретки подвергла Т.М. Дикова. Эти украшения в зависимости от места ношения ею подразделяются на два основных типа: лабретки для украшения губ или щек и так называемые лабретные шпильки, которые носили в носовой перегородке [17. С. 213].

В зависимости от формы исследовательница подразделяет лабретки на четыре типа: шпилькообразные с острым концом, шпилькообразные с широким

прямым концом, шляпкообразные и запонкообразные. Помимо этого, ею выделен тип пуговицеобразных лабреток, обнаруженных в ритуальном жилище на стоянке Ушки-1, который она определила как прототип перечисленных украшений.

Заслуживает внимания утверждение Т.М. Диковой, считавшей, что разнообразие форм и типов лабреток

связано с принадлежностью их к различным племенам или родам [17. С. 214, 216].

К районам распространения лабреток в известной степени относятся Курильские острова. В 1930-е гг. и чуть позже японские археологи проводили раскопки на северокурильских островах Парамушир, Шумшу, а также на более южном о. Итуруп.

Рис. 2. Лабретки из камня (1–18) и кости (19–21): 1, 2 – устье р. Гур; 3, 4 – Сучу; 5, 6 – пос. Воскресенское; 7, 8 – пос. Кольчём-3; 9 – Кольчём-2; 10 – стоянка Жупаново; 11 – Большой Камень; 12–15 – юг Камчатки; 16–18 – Маймечё-IV, I; 19–21 – Чалука (остров Умнак). 1–9 – Нижнее Приамурье; 10–15 – Камчатка; 16–18 – Таймыр; 19–21 – Алеутские острова (пос. Чалука). 1–4 – по [22]; 5–9 – по [24]; 10–11 – по [16]; 12–15 – по [17]; 16–18 – по [21]; 19–21 – по [13]. Масштаб различный

Сообщается, что в отдельных случаях этим находкам сопутствовала керамика охотской культуры, главным образом эпохи палеометалла, и в целом «картина обнаружения лабреток на Курильских островах не установлена» [8. С. 277, 280]. Исследователи считали, что лабретки, обнаруженные на Курильских островах, относятся, скорее всего, к вещам, переданным переместившимися сюда алеутами северокурильским айнам. Делается вывод, что лабретки эти не относятся к каменному веку [8. С. 284]. В конце 1940-х гг. в раковинной куче Моёро, очевидно, охотской культуры на северном побережье о. Хоккайдо археологи нашли изделие из клыка пуговицеобразной формы, похожее на лабретку. С учетом приведенных сведений, можно полагать, что нет бесспорных оснований в период неолита включать Курильские острова в зону использования лабреток их обитателями. Хотя при современных знаниях об этих украшениях, полагаю, допустимо считать присутствие их на Курилах в финале неолита.

Имеется сообщение, что в 2001 г. в Приморье при раскопках памятника Бойсмана II (зал. Петра Великого, Японское море) было найдено стержнеобразное

зашлифованное изделие, выполненное из рога молодого оленя. Стержень слегка изогнут, конец его обломан, длина предмета 91 мм, диаметр 20 мм. Противоположное от обломанного тонкого конца округлое утолщение имеет вырезанную, возможно, фигуру-личину [18. С. 99, рис. 48, 7]. Исследовавший данное изделие Д.Л. Бродянский, назвал его классической лабреткой [18. С. 98]. По единственной представленной находке трудно судить о подлинной принадлежности ее к украшениям из категории лабреток. Среди известных их типов она не имеет аналогий. Можно предположить, что изделие с Бойсмана II – это лабретная шпилька, которая вставлялась в носовую перегородку.

Костяные изделия, найденные С.А. Арутюновым и Д.Л. Сергеевым в Уэленском могильнике на Чуколке и названные ими гвоздями или запонками от поплавков, а также затычками для ран и продолговатыми предметами [19. С. 100. Рис. 43, 7–9, 14–17; 44, 10–13; 45, 1–6], возможно, некоторой частью являются лабретками.

Однозначное определение предметов затруднительно. В середине 1970-х гг. появилась информация об открытии Л.П. Хлобыстиным каменных лабреток

не менее трех форм на неолитических стоянках Таймыра, Маймече IV; I (см. рис. 2, 16–18). Тогда же исследователь доказал, что они относятся к III тыс. до н.э. [20. С. 103–104].

Лабретки с Таймыра относятся к наиболее отдаленным к северу-западу от основных очагов этих украшений Тихоокеанского Севера. Данный факт указанного открытия не мог быть не замечен специалистами. Н.Н. Диков подробным комментарием отреагировал на таймырские находки. Исследователь заметил, что лабретные украшения из древнейших центров происхождения, каким он считал Камчатку, распространились не только в сторону Американского континента, «но и на далекий Север Сибири» [15. С. 181]. Далее он, на взгляд автора данных строк, аргументировано развивает мысль о фиксации на Таймыре реликта «проникшей туда из более южных областей культуры, входившей в ту же культурно-этническую область, в которую входила и финальная палеолитическая культура Камчатки» [15. С. 181]. В дополнение к аргументам, связанным с вопросом сходства лабреток Камчатки и Таймыра, исследователь приводит пример поразительного совпадения формы грибовидных стеатитовых подвесок, обнаруженных Л.П. Хлобыстиным вместе с лабретками на стоянке Маймече IV (см.: [21. С. 227, рис. 28, 7]), с формой таких же стеатитовых подвесок из слоя VI Ушковской стоянки [15. С. 181].

Л.П. Хлобыстин, в свою очередь, подтверждает уникальность маймеченской грибовидной подвески и соглашается с Н.Н. Диковым в полной ее аналогии с ушковскими находками. Подчеркивается при этом, что своеобразные предметы удалены друг от друга на огромное расстояние и что камчатская подвеска, аналогичная таймырской, происходит из палеолитического слоя стоянки Ушки I возрастом свыше 10 000 л.н. [21. С. 72]. Оригинальной, противоречащей первой версии представляется другая точка зрения Л.П. Хлобыстина о возможном появлении лабреток на Таймыре и в других областях. На основе находки в 1940-е гг. на Средней Лене (р. Турукта) нефритовой поделки, по форме похожей на лабретку, датированной III – нач. II тыс. до н.э., исследователь делает следующий вывод. Поскольку, по его мнению, ни в мезолите ни в неолите культурные связи между Таймыром и северо-востоком Азии не прослеживаются, нет оснований усматривать истоки обычая употребления лабреток частью таймырского неолитического населения даже в камчатской финально-палеолитической культуре [21. С. 73]. По его предположению, местом зарождения украшать губы и носить грибовидные подвески была Восточная Сибирь, откуда названные традиции могли распространиться на северо-восток Азии и в Америку, а также и на Таймыр [21. С. 73].

В результате археологических исследований, главным образом в последней трети прошлого века, в юго-западной части Тихоокеанского Севера, куда входит Нижнее Приамурье, в особенности долина Амура, стало возможным относить данный регион к числу заметных по степени концентрации неолитических лабреток. В настоящее время есть основание считать, что лабретные украшения в эпоху неолита

были распространены вверх от устья реки преимущественно не более чем на 250–300 км., хотя единичные экземпляры их зафиксированы значительно выше по Амуру.

Первые амурские лабретки новокаменного века были найдены в 1973 г. при раскопках на о. Сучу жилища 1 малышевской культуры возрастом около 5 тыс. л.н. Среди различных культово-церемониальных предметов в домашнем святилище оказались две обломанные лабретки, вырезанные из трепела [22. С. 55, рис. 28, 3, 4] (см. рис. 2, 4). Следующие две целые лабретки в культовом центре острова выявлены в 1993 г. в ходе исследования святилища вознесенской культуры. Их возраст по радиоуглероду равен 4200 ± 80 л.н. (ГИН-8291). Эти изделия также из трепела, они подпрямоугольной формы с одним расширенным концом в виде воронки, длина их 7,8–9,7 см, толщина 0,4–0,6 см [22. Рис. 14, 3, 4; Рис. 28, 1, 2] (см. рис. 2, 3). Все лабретные украшения с о. Сучу линзовидного сечения, одинаковой формы, хорошо заполированы.

В 1970-е гг. при осмотре правого берега вблизи устья р. Гур, притока Амура, несколько выше по течению хорошо известного памятника у с. Вознесенского, наряду с несколькими черепками малышевской и вознесенской культур были подняты две целые лабретки, изготовленные из трепела. Гладко отшлифованные, линзовидные в сечении лабретки имеют форму пластин с расширяющимися концами. Оба изделия длиной 9,7 см и толщиной 0,5–0,6 см. По ширине – разные: одно у краев 5,5 см и 4,4 см, посередине 3,4 см, другое соответственно 2,6; 2,4 и 1,8 см [22. С. 49, рис. 14, 1, 2] (см. рис. 2, 1, 2). Неизвестно к какому типу памятников относятся данные лабретки, но то, что их изготовили и использовали представители малышевской или вознесенской культур, вряд ли должно вызывать серьезные сомнения.

Наиболее близким местонахождением лабреток к устью Амура в настоящее время следует считать памятник в с. Воскресенское на правом берегу Амура. В 1935 г. на этом месте А.П. Окладников открыл остатки неолитической стоянки [23. С. 35]. Позже в Хабаровский государственный музей Дальнего Востока из Воскресенского были переданы две целые лабретки [22. С. 49, рис. 14, 7, 8; 24. С. 101, табл. 77, 9, 10] (см. рис. 2, 5, 6). Эти лабретные украшения по размерам и форме весьма близки аналогичным изделиям с р. Гур: зашлифованные пластины из светло-серого камня с расширенными концами линзовидного или овально-вытянутого сечения. Изделия, возможно, входили в состав культового святилища, образованного людьми в среднем или позднем неолите на возвышенной береговой амурской террасе. Не исключено также, что лабретки имеют отношение к несохранившемуся там жилищному комплексу новокаменного века.

Серия каменных зашлифованных лабреток обнаружена в 1990-е гг. при раскопках И.Я. Шевкомуда двух поселений вознесенской культуры в левобережных окрестностях нижеамурской долины в районе оз. Удыль, поблизости от с. Кольчём. На поселении Кольчём-3 найдено семь лабреток, из них две целых и пять слегка или значительно обломанных. На поселении Кольчём-2 выявлено одно, видимо, наполовину обломанное лабретное украшение [22. С. 49, рис. 14, 9–13;

24. С. 101, табл. 77, 1–8] (см. рис. 2, 7–9). Форма лабреток во многом аналогична формам представленных выше амурских изделий: пластинчатые овально-вытянутого, изредка подпрямоугольно-вытянутого сечения со слабо или сильно расширенным одним или двумя концами (по обломанным предметам установить это невозможно). Длина всех лабреток преимущественно в пределах 2,5–4,5 см при ширине воронкообразных концов до 4,0 см. Материалы раскопок поселения Кольчём-3 на основе радиоуглеродных анализов датируются в диапазоне 3520 ± 50 л.н. (ТК-958) – 4200 ± 60 л.н. (СО АН-3412), а материалы Кольчёма-2 в пределах 3725 ± 95 л.н. (СО АН-3015) – 3880 ± 35 л.н. (СО АН-3018) [24. С. 152]. Эти датировки равны или близки упомянутой выше радиоуглеродной дате культового святилища вознесенской культуры на о. Сучу. Обращает на себя внимание типологическая общность и даже однообразие лабреток Амура. Некоторые из них, например парные экземпляры с памятника Воскресенское и с устья р. Гур, практически идентичные.

Если воспользуемся сравнительно-историческим методом в исследовании лабретных изделий, то можем более обобщенно взглянуть на нижнеамурские образцы и сопоставить их с аналогичными предметами соседних рассмотренных регионов. Так, в коллекции лабреток с Алеутских островов и Аляски (берега залива Кука) нет изделий, которые по форме можно было бы сопоставить с нижнеамурскими. На указанных территориях преобладают лабретные украшения трех основных типов – шляпообразные, в виде запонок (пуговиц) и в форме пробок для стеклянных флаконов, а также эллипсоидные и ладьевидные. Подобных лабреток, как было показано выше, ни на одном амурском памятнике не обнаружено. Правда, на поселении Чалука на о. Умнак найдена неолитическая лабретка подпрямоугольно-удлиненной формы со слегка расширенными концами, сопоставимая с крупными пластинчатыми изделиями Амура. На Курильских островах они в основном шляпообразные и в виде пробок для флаконов, изделий амурского ассортимента не зафиксировано. В Приморье выявлена, как уже отмечалось, одна несопоставимая с находками нижнего Амура (на среднем и на верхнем Амуре лабретки неизвестны). Лабретные украшения с Таймыра (прямоугольное утолщенное из Маймиче IV и шляпообразное из Маймиче I) не имеют аналогий среди изделий с Амура, так же как и возможная упоминаемая в литературе лабретка из района средней Лены.

Наибольшую типологическую близость, а также в основной своей массе хронологическую близость неолитические лабретки нижнего Амура обнаруживают среди аналогичного материала Камчатки. Большинство одинаковых или близких по форме лабреток этих двух ареалов относится к пластинчатым изделиям овального, подпрямоугольно-вытянутого или линзовидного сечения с одним, реже – с двумя расширенными концами. Эти лабретки большей частью из стеатита и глинистого сланца, они малых размеров. У зашлифованных образцов у одного расширенного края или посередине предмета имеется кольцевой слегка выпуклый выточенный валик. Среди лабреток данного типа имеются украшения из обсидиана и андезито-базальта, обработанные сплошной ретушью, что не отме-

чено в коллекции подобных находок Амура. Согласно типологии лабреток Южной Камчатки, предложенной Т.М. Диковой, помимо названных форм, имеются также запонкообразные, шляпообразные и шпилькообразные лабретки. Помимо этого, исследовательница выделила тип пуговицеобразных лабретных украшений, обнаруженных на стоянке Ушки-1, определив их прототипом названных лабреток (см. [17. С. 214, 217, табл. 74]).

Мнения исследователей о месте и времени появления лабреток во многом расходятся. Например, В.Х. Долл [1] и некоторые другие специалисты считали, что эти украшения появились на Севере из Центральной Америки. Порой утверждается без каких-либо подтверждающих абсолютных датировок, что обычай использования таких специфических украшений лица не мог возникнуть в Арктике с учетом ее климатических условий. Есть также предположение, не подкрепленное необходимыми фактами, как уже отмечалось выше, что местом, где появились первые лабретки, является Восточная Сибирь [21. С. 73]. Упомянем еще раз лабретки возрастом ок. 4 тыс. л.н., найденные на улеутском о. Умнак (поселение Чалука), которые еще недавно отдельные исследователи относили к древнейшим на Тихоокеанском Севере.

Приведенные данные позволяют констатировать, что в настоящее время известны две основные области Северо-Восточной Азии, где найдены значительные серии обеспеченных абсолютными датами ранних лабреток: преобладающая группа украшений с Камчатки и почти все изделия из Нижнего Приамурья. Они датируются в диапазоне III – первая половина II тыс. до н.э., а отдельные образцы с о. Сучу – рубежом IV–III тыс. до н.э. Для камчатских лабреток со стоянки Ушки VI имеются даты более 10 тыс. л.н. Реальность ушковских лабреток в отдельных случаях считают несколько дискуссионной [9. С. 76], хотя не признавать эти украшения нет особых оснований. Если признать Камчатку периода раннего голоцена центром происхождения лабретных украшений, можно предположить, что с полуострова они проникли сначала на нижний Амур, Алеутские острова, Аляску, затем на Таймыр, Курильские острова и далее на юг и юго-запад. Происходило это в ходе контактов обитателей этих территорий, и лабретки, как мы видим, служат убедительными маркерами этнокультурных соотношений в неолите северных Тихоокеанских и сопредельных с ними ареалов.

Обращаясь к наиболее близкому и знакомому региону исследований лабреток автора – нижнему Амuru, обратим внимание на отдельные валуны Сакачи-Алянско-Гасинского культового центра с имеющимися на них петроглифическими изображениями масок с лабретками, в том числе с обеих сторон рта, есть также аналогичная маска среди петроглифов на р. Кия [25. Табл. 19, 2; 135] (рис. 3, 2, 3). Имеющаяся реконструкция способа закрепления неолитических лабреток на лице соответствует названному петроглифическому того же времени маскам (рис. 3, 1). Есть изображения эскимосских мужчин этнографической современности с лабретками в губах, также аналогичными петроглифическим (рис. 4, 1, 2).

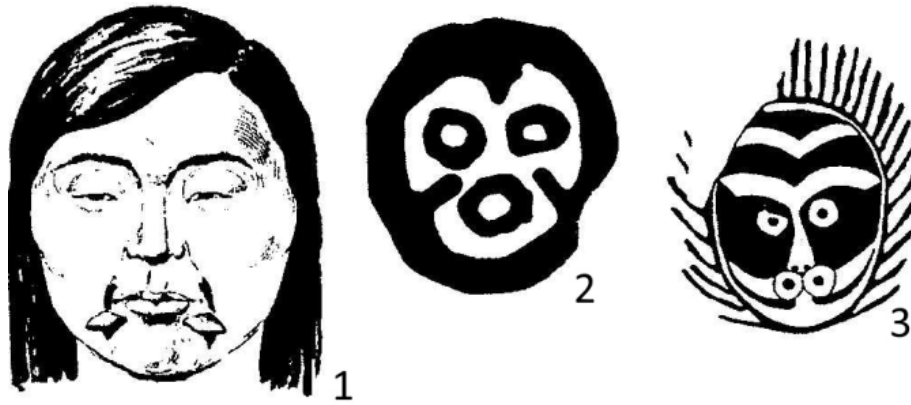

Рис. 3. Реконструкция способа закрепления лабретов у краев рта (1); изображения петроглифических масок с лабретками – Сакачи-Алян (2); Кия (3). 1 – по [21]; 2, 3 – по [25]. Масштаб различный

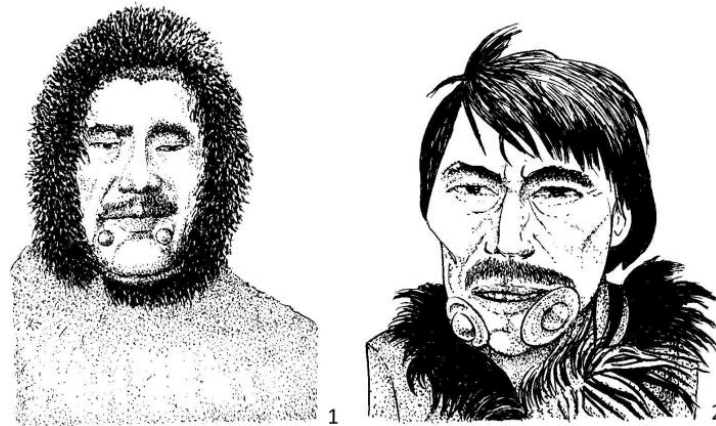

Рис. 4. Эскимосские мужчины этнографической современности с лабретками в нижних губах (1, 2) – по [8].
Графические прорисовки

Наиболее предпочтительным побудительным мотивом происхождения лабретов можно считать то, что эти необычные украшения были созданы людьми, населявшими северотихоокеанские территории, где и в наше время водятся стада клыкастых моржей. Эти внушительные животные, очевидно, производили на древнего человека столь сильное впечатление, что он хотел чем-то быть похожим на них. Это подтверждают историко-этнографические наблюдения. В частности, неоднократные сообщения русских землепроходцев XVIII в. об эскимосах, у которых, как писали путешественники, помимо своих

природных зубов, есть «зубы, из моржовых зубов (лабретки. – В.М.) вырезанные» [26. С. 434].

Появившиеся на Тихоокеанском Севере лабретки, сначала, скорее всего, как талисманы, со временем распространились на огромной территории, заслужив тем самым роль своеобразных маркеров этнокультурных соотношений, влияний или заимствований, приобретая при этом в системе украшений местную специфику. Российские ареалы – Камчатку и Нижнее Приамурье – можно отнести соответственно к наиболее раннему и раннему регионам бытования лабретов.

Список источников

1. Dall W.H. On Masks, Labrets and Certain Aboriginal Customs with the Inquiry into the Bearing of their Geographical Distribution // Third Annual Report of the Bureau of Ethnology. Washington, 1984. P. 67–203.
2. Народы Австралии и Океании. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 852 с.
3. Тэйлор Э. Первобытная культура. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 568 с.
4. Народы Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
5. Врангель Ф.Н. Обитатели северо-западных берегов Америки // Сын Отечества. 1839. Т. 7. С. 51–82.
6. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. I. 364 с.
7. Берг Л.С. Из истории открытия Алеутских островов // Землеведение. 1924. Т. 26, вып. ½. С. 116–123.
8. Кодама С., Оба Т. О лабретках // Хоппобунка кэнкю – Хококу. Хоккайдо Дайгаку. 1958. Вып. 13. С. 271–293 (на яп. яз.).
9. Васильевский Р.С. Лабретки в культурах Северотихоокеанского региона // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2 (10). С. 71–78.
10. Мия Хироаки. Некоторые вопросы, касающиеся штамповидных глиняных изделий // Сутампудзё досэйхинни кансуру дзяккан-но-мондай (Археология Хоккайдо). 1988. Март. С. 75–84 (на яп. яз.).
11. Jochelson W.L. Archaeology investigation in the Aleutian Islands. Washington, 1925.
12. Ляпунова Р.Г. Алеуты. Л. : Наука, 1987. 429 с.
13. Aigner J. Bone tools and Decorative Motifs from Chaluka, Umnak Island // Arctic Anthropology. 1966. Vol. 3, Is. 2. P. 57–83.
14. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М. : Наука, 1977. 392 с.
15. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М. : Наука, 1979. 252 с.
16. Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М. : Наука, 1985. 216 с.

17. Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с расселением айнов. М. : Наука, 1983. 232 с.
18. Бродянский Д.Л. Древнее искусство и его исследователи. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та. 180 с.
19. Арутюнов С.А., Сергеев Д.С. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М. : Наука, 1969. 208 с.
20. Хлобыстин Л.П. Памятники Сибирского Заполярья и их соотношения с культурами таежной зоны // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1975. С. 100–110.
21. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998. 240 с.
22. Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 40–69.
23. Окладников А.П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 3–52.
24. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит нижнего Амура. Владивосток : ДВО РАН, 2004. 156 с.
25. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л. : Наука, 1971. 336 с.
26. Марков С.Н. Земной круг. Книга о землепроходцах. М. : Современник, 1976. 623 с.

References

1. Dall, W.H. (1884) *On Masks, Labrets and Certain Aboriginal Customs with the Inquiry into the Bearing of their Geographical Distribution. Third Annual Report of the Bureau of Ethnology*. Washington. pp. 67–203.
2. USSR AS. (1956) *Narody Avstralii i Okeanii* [Peoples of Australia and Oceania]. Moscow: USSR AS.
3. Tylor, E.B. (1939) *Pervobytnaya kultura* [Primitive Culture]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo.
4. USSR AS. (1956) *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Wrangel, F.N. (1839) *Obitateli severo-zapadnykh beregov Ameriki* [Inhabitants of the Northwestern Coasts of America]. *Syn Otechestva*. 7. pp. 51–82.
6. Veniaminov, I. (1840) *Zapiski ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela* [Notes on the Islands of the Unalaska District]. Part I. Saint Petersburg.
7. Berg, L.S. (1924) *Iz istorii otkrytiya Aleutskikh ostrovov* [From the History of the Discovery of the Aleutian Islands]. *Zemlevedenie*. 26 (1/2). pp. 116–123.
8. Kodama, S. & Oba, T. (1958) *On Labrets. Hoppobunka Kenkyu – Hokoku. Hokkaido Daigaku*. 13. pp. 271–293. (In Japanese).
9. Vasilyevsky, R.S. (2002) *Labretki v kulturakh Severotikhookeanskogo regiona* [Labrets in the Cultures of the North Pacific Region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2 (10). pp. 71–78.
10. Miya Hiroaki. (1988) Some Issues Concerning Stamp-Like Clay Objects. In: *Some Problems Concerning Stamp-Type Clay Objects (Hokkaido Archaeology)*. March. pp. 75–84. (In Japanese).
11. Jochelson, W.L. (1925) *Archaeology investigation in the Aleutian Islands*. Washington.
12. Lyapunova, R.G. (1987) *Aleuty* [The Aleuts]. Leningrad: Nauka.
13. Aigner, J. (1966) Bone tools and Decorative Motifs from Chaluka, Umnak Island. *Arctic Anthropology*. 3 (2). pp. 57–83.
14. Dikov, N.N. (1977) *Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki i Verkhney Kolymy (Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti)* [Archaeological Sites of Kamchatka, Chukotka and the Upper Kolyma (Asia at the Junction with America in Antiquity)]. Moscow: Nauka.
15. Dikov, N.N. (1979) *Drevnie kultury Severo-Vostochnoy Azii. Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti* [Ancient Cultures of Northeast Asia. Asia at the Junction with America in Antiquity]. Moscow: Nauka.
16. Ponomarenko, A.K. (1985) *Drevnyaya kultura itelmenev Vostochnoy Kamchatki* [The Ancient Culture of the Itelmens of Eastern Kamchatka]. Moscow: Nauka.
17. Dikova, T.M. (1983) *Arkheologiya Yuzhnoy Kamchatki v svyazi s rasseleniem ainov* [The Archaeology of Southern Kamchatka in Connection with the Settlement of the Ainu]. Moscow: Nauka.
18. Brodyansky, D.L. (n.d.) *Drevnee iskusstvo i ego issledovateli* [Ancient Art and Its Researchers]. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta.
19. Arutyunov, S.A. & Sergeev, D.S. (1969) *Drevnie kultury aziatskikh eskimovov (Uelensky mogilnik)* [Ancient Cultures of the Asiatic Eskimos (The Uelen Cemetery)]. Moscow: Nauka.
20. Khlobystin, L.P. (1975) *Pamyatniki Sibirskogo Zapolyarya i ikh sootnosheniya s kulturami taezhnoy zony* [Sites of the Siberian Arctic and Their Relations with the Cultures of the Taiga Zone]. In: *Sootnoshenie drevnikh kultur Sibiri s kulturami sopredelnykh territoriy* [The Correlation of Ancient Cultures of Siberia with the Cultures of Adjacent Territories]. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. pp. 100–110.
21. Khlobystin, L.P. (1998) *Drevnyaya istoriya Taymyrskogo Zapolyarya i voprosy formirovaniya kultur Severa Evrazii* [The Ancient History of the Taimyr Arctic and Issues of the Formation of Cultures of the North of Eurasia]. Saint Petersburg.
22. Medvedev, V.E. (2005) *Neoliticheskie kultovye tsentry v doline Amura* [Neolithic Cult Centers in the Amur Valley]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4. pp. 40–69.
23. Okladnikov, A.P. (1980) *O rabotakh arkheologicheskogo otryada Amurskoy kompleksnoy ekspeditsii v nizovyakh Amura letom 1935 g.* [On the Work of the Archaeological Team of the Amur Complex Expedition in the Lower Amur in the Summer of 1935]. In: *Istochniki po arkheologii Severnoy Azii (1935–1976 gg.)* [Sources on the Archaeology of Northern Asia (1935–1976)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 3–52.
24. Shevkomud, I.Ya. (2004) *Pozdnyy neolit nizhnego Amura* [The Late Neolithic of the Lower Amur]. Vladivostok: FEB RAS.
25. Okladnikov, A.P. (1971) *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad: Nauka.
26. Markov, S.N. (1976) *Zemnoy krug. Kniga o zemleprokhodtsakh* [The Terrestrial Circle. A Book about Explorers]. Moscow: Sovremennik.

Информация об авторе:

Медведев В.Е. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором археологии неолита Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.Ye. Medvedev, Dr. Sci. (History), leading research fellow, head of the Neolithic Archeology Sector, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2024;
одобрена после рецензирования 16.03.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 28.11.2024;
approved after reviewing 16.03.2025; accepted for publication 31.07.2025.